

ЛАТИНСКАЯ ГЕНРИАДА: ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ДВОЙНОМ ЗЕРКАЛЕ

Перевод *Генриады* на латинский язык, выполненный Никола Ко де Каппвалем (Nicolas (?)¹ de Caux de Carpeval, латинский вариант – Calcius Carraval(l)is), – поздний, но не последний² перевод новоязычного эпического произведения на древний язык, – безусловно, представляет собой вполне маргинальное явление для французской и немецкой культуры XVIII в., представителем которых был его автор. С какой-то стороны, эта маргинальность подчеркивается: в эпоху французского интеллектуального доминирования переводить с французского языка первоклассное произведение первоклассного автора на язык, на котором его прочтут разве что ученые педанты (в подавляющем большинстве способные ознакомиться и с оригиналом) – сам по себе весьма экстравагантный поступок. С другой стороны, то, что руководило трудом автора, – сознание уходящего единства европейской словесности, не может не вызвать уважения и интереса у современного исследователя.

О самом Ко де Каппвале (1712?–1774) известно очень мало.³ Он родился в окрестностях Руана в начале XVIII в. (карточка Французской

---

¹ P. Benhamou. *Index des "Lettres sur quelques écrits de ce temps": 1749–1754, d'Elie Catherine Fréron* (Genève – Paris 1985) 40: "Nicolas Caux de Carpeval, Apologie du goût français, relativement à l'opéra. 1754".

² Пример: около полувека спустя, уже в совершенно другую литературную эпоху и совершенно другой по характеру эпос: J. Berlichingen. *Herrmann und Dorothea, von Göthe. In's Lateinische übersetzt...* (Jagsthausen 1825).

³ *Biographie universelle ancienne et moderne, ou Histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont distingués par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Ouvrage entièrement neuf, rédigé par une Société de gens de lettres et de savants VII* (Paris 1813) 438. Некоторые другие просмотренные нами справочники сообщают ту же самую информацию (мы воспроизвели ее скудную биографическую часть, не перечисляя литературные труды). Все они не сообщают даже имени – только инициал N. Имя было случайно обнаружено нами в одном справочнике (прим. 1); трудно сказать, какие основания были у его составителей, и полной уверенности в его истинности у нас нет. Отметим в скобках, что биографическому мейнстриму противоречит указание, обнаруженное нами в кн.: J.-F. Adry. *Notice sur le Collège de Juilly...* (Paris 1816) 28: "Среди преподавателей Жюйи нужно отметить Луи-Франсуа-Этьенна де Ко де Каппваля, который трудился здесь в 1730 году. Затем он направился к пфальцскому

Национальной библиотеки дает 1712 г. с вопросительным знаком),⁴ поступил на службу курфюрста Пфальцского Карла-Теодора,⁵ на которой и умер. “Маннгейм привлекал тогда множество достойных иностранцев, которые предавались своим трудам под взором государя, друга наук и искусств, который вызвал их расцвет в своих странах”.⁶ Карлу-Теодору посвящен труд де Каппваля, и о его истории нужно сказать несколько слов.

В предисловии к поэме *Парнас* де Каппваль дает такую оценку *Генриады*: “Для меня это только часовня; замечательная, если угодно, но все-таки часовня; а нужен храм. Таков мой образ мыслей; у каждого свой, и я обращаюсь к настоящим знатокам.

Любуясь красотами *Генриады* в подробностях, я молчу о порядке и о фабуле поэмы; это благоразумное молчание – и чтобы его оправдать, достаточно сказать, что я перевел *Генриаду* латинскими стихами и рассчитываю выпустить ее в свет, посвятив самому Автору. Нельзя игнорировать мои чувства по отношению к нему; но я переводчик, а не идолопоклонник. Иногда нужно несколько снисходительности, но лести – никогда; дружба не делает меня несправедливым”.⁷

Это суждение, – на наш взгляд, оно свидетельствует о большой литературной пронизательности и критическом даре автора, – вызвало резкую реакцию. Пьер-Луи д’Акен, автор ехидной сатиры о его творчестве, пишет: “Я удивлен, Г. Ко, что столь великий человек, как вы, удостоил перевода на латынь слабую *Генриаду*; вы ответите, – в и без того пропащее время и в форме развлечения. С другой стороны, вы были когда-то регентом в провинциальном коллегииуме, и это произведение – скорее ваших учеников, чем ваше”.⁸ Барон Мельхиор Гримм

двору в Маннгейм <...>. Он перевел *Генриаду* латинскими стихами”. Учитывая совпадение в деталях с документом, цитируемым ниже, мы считаем, что у этих сведений большая вероятность быть достоверными. Но, безусловно, они делают гипотетическую дату рождения – 1712 г. – совершенно невероятной.

⁴ <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb12047330q/PUBLIC>. Notice n°: FRBNF 12047330.

⁵ Карл-Филипп Теодор (1724–1799), с 1742 г. Карл IV, пфальцграф, курфюрст Пфальцский и герцог Юлиха и Берга; Карлом II, курфюрстом Баварским, он стал уже после смерти нашего героя, в 1777 г. При нем Маннгейм стал одним из культурных центров европейской значимости.

⁶ A. Collini. *Mon Séjour auprès de Voltaire et Lettres inédites que m'écrivit cet homme célèbre jusqu'à la dernière année de sa vie* (Paris 1807) 213. Там же сообщается, что Ко де Каппваль вступил в Маннгейме в брак, получал от курфюрста пенсион и умер в том же городе.

⁷ Caux de Cappeval. *Le Parnasse, poëme héroïque, contenant des Essais sur les campagnes du Roi* (Paris 1752) 7–8.

⁸ P.-L. d'Aquin de Chateau-Lyon. *Observations sur les œuvres poétiques de M. de Caux de Cappeval, Natif de Normandie, Ex-Oratorien, ancien Régent d'un Collège de*

заметил и не благословил: “Г. Ко де Каппваль – холодный и плоский версификатор <...>. Чтобы предупредить падение этой поэмы, он перевел ее латинскими стихами и опубликует ее в этом новом наряде <...>. Сам он со всей скромностью отмечает, что это единственный надежный способ передать *Генриаду* потомству; т. е. без г-на Ко она к нему б не попала. Это потомство будет весьма удивлено, обнаружив что-то общее между г-ном Вольтером и г-ном де Ко”.⁹ Когда перевод впервые выйдет в свет, барон не оставит желчного тона: “Г. Ко де Каппваль, состоящий при пфальцском дворе, только что издал *Генриаду* в латинских стихах. Ему остается только стать каким-нибудь Вергилием, чтобы воздать эту честь, сколь блистательную, столь и лестную; но я полагаю, что *Генриаду* продолжают читать по-французски”¹⁰ (в этом барон ошибся; читателей у нее не будет уже через несколько десятилетий ни на каком языке). Зато *Mercure de France* 1769 года, откликаясь на журнальную публикацию отрывка,¹¹ пишет: “Несколько лет тому назад в одном журнале появился образчик перевода *Генриады* латинскими стихами г-на де Ко де Каппваля, вполне подходящий для того, чтоб составить представление о таланте переводчика. Прежде всего восхищались верностью перевода – почти дословной и в прекрасных стихах; здесь были стихи, столь удачно воспроизведенные почти слово в слово, что кто-то полагал писать г-ну Вольтеру, что обнаружен латинский оригинал его поэмы и что за ним остается только заслуга

Province, par M. le chevalier de ***. Avec une lettre du véritable auteur du “Siècle littéraire”, à M. le chevalier de *** (La Haye 1754) 5.

⁹ 15 февраля 1757 г. М. Grimm. *Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu’en 1790. Nouvelle édition, revue et mise dans un meilleur ordre, avec des notes et des éclaircissements, et ou se trouvent retablees pour la première fois les phrases supprimées par la censure impériale* III (1756 – 1760) (Paris 1829) 101.

¹⁰ М. Grimm (прим. 9) VIII (Paris 1830) 308.

¹¹ Сам Ко (см. ниже) называет *L’Année littéraire*; судя по указателю Dante Lénardon. *Index de l’Année littéraire (1754–1790)* (Genève 1979), это может быть следующая публикация (в данном указателе № 880): “(Jean) Chapelain, La Pucelle. Edited by (N.) de Caux de Cappeval. (François Marie Arouet) de Voltaire, La Henriade. Translated into Latin by (N.) de Caux de Cappeval. *Recueil de poésies diverses relativement à la gloire de la France. Edited by (N.) de Caux de Cappeval* VIII (1756) 279–284. См. также J.-M. Quérard. *La France Littéraire, ou Dictionnaire Bibliographique des Savants, Historiens et Gens de Lettres de la France, ainsi que des littératures étrangères qui ont écrit en Français, plus particulièrement pendant les XVIIIe et XIXe siècles* X (Paris 1839) 303: “Аббат Ко де Каппваль первым попытался перевести *Генриаду* латинскими стихами. В 1746 году он напечатал в *Меркурии*, во втором июньском томе, перевод восьмидесяти первых стихов I песни. Переводчик заявил о желании напечатать книгу в 1756 г.; и Фрерон с похвалой отзывался об этом в *L’Année littéraire* VIII (1756) 336–337. Однако в течение тринадцати лет никакой книгопродавец не пожелал взять на себя этот труд”.

изящного и верного переводчика. <...> Тем не менее – говорят – не нашлось книготорговца в Париже, кто пожелал бы взять на себя печатание его труда; это доказывает, что вкус к латинской поэзии уже не в моде во Франции. В прошлом веке печатники оспаривали бы друг у друга честь познакомить другие европейские нации с шедевром французского Вергилия. Правда, многие иностранцы владеют нашим языком, но лишь малая часть – основательно, и прежде всего языком поэзии”.¹² На следующий год в журнале появилась пространная реакция переводчика,¹³ признавшего эту заметку лучшим критическим отзывом о его переводе (р. 122); он сообщает, что в латинской поэзии его оракулами были всегда Вергилий и Гораций (р. 123), довольно подробно мотивирует некоторые свои переводческие решения, в т. ч. ориентацию в ряде случаев на язык Св. Писания (р. 128 sqq.), оправдывает необходимостью метрические вольности (напр., со словами *Catholicus* и *Politica*, которые невозможно употребить в гекзаметре – р. 133), настаивает на точности своей версии (р. 135–136) и сообщает подробности о совместной с Вольтером подготовке двуязычного издания, которое Вольтер планировал посвятить дофину (р. 141–142), и о последующих неудачах.

Тем не менее латинская *Генриада* – впервые опубликованная двумя десятилетиями позже того момента, когда автор публично заявил о ней, – выдержала несколько изданий. В первый раз – в 1772 году: *La Henriade de M. de Voltaire. Nouvelle édition, en vers latins et français, dédiée à S. A. S. Electorale Palatine Charles-Théodore, par M. de Caux de Cappeval, au service de la Cour Palatine. Aux Deux-Ponts, à l’Imprimerie Ducale, & se trouve à Paris, Chez Lacombe, Libraire, rue Christine. M. DCC. LXXII. Voltarii Henriadis editio nova, Latinis versibus et Gallicis, quam dedicat Serenissimo Potentiss. Princ. Elect. Palatino Carolo-Theodoro, Calcius Cappavallis, ex Aulæ Palatinæ servitio. Biponti, Typis Ducalibus, & Parisiis, Apud Lacombe, Bibliopolam, viâ Christ. M. DCC. LXXII.* От титульного листа и до последней строки книга двуязычна: слева – французский текст, справа – латинский. Реакция была разной. *L’Avantcoureur*¹⁴ писал: “Образованные люди уже встречали аплодисментами некоторые отрывки из этого перевода, напечатанные в жур-

¹² Traduction littérale de quelques vers de la Henriade... // *Mercure de France, dédié au Roi. Par une Société de Gens de Lettres* 1 (1769) 90–91; 95–96.

¹³ Caux de Cappeval. Lettre en réponse aux réflexions d’un Anonyme, sur quelques traductions de la Henriade en vers latins, insérées dans le *Mercure* d’Octobre 1769 // *Mercure de France*... Aoust 1770: 122–148, датировано 20 ноября 1769 г.

¹⁴ *La Henriade de M. de Voltaire, nouvelle édition, en vers Latins & Français*... // *L’Avantcoureur, Feuille Hebdomadaire, Où sont annoncés les objets particuliers des Sciences, de la Littérature, des Arts, des Métiers, de l’Industrie, des Spectacles, & les Nouveautés en tout genre* (1772) 35, 558.

налах. Кажется, они желали, чтоб автор завершил свою работу, полезную для иностранцев, которые, не будучи близко знакомы с французским языком, по крайней мере смогут прочесть на языке Виргилия лучшую современную эпическую поэму. Переводчик, в добрый час вскормленный чтением поэтов Августова века, счастливо употребил разнообразные и ритмичные формы латинской поэзии, чтоб из перевода исчезли все виды принужденности и рабства, не удаляясь при сем от верности, коей должно требовать в переводе. Каждый латинский стих соответствует французскому, который он выражает. Этот труд можно рассматривать как очень хорошую классическую книгу для молодых людей, желающих ускорить свое продвижение в обоих языках”. Позже *Journal philosophique & chrétien* в рецензии на *Traduction des 190 premiers vers du Poème des Jardins du P. Rapin, proposée par l’Académie des Belles-Lettres de Montauban* (par M. l’Avocat Le Mayeur) дает еще более лестную оценку: “Напротив, пусть прочтут латинский перевод, дословно и метрически верный, который дал нам г-н Ко де Каппваль: можно было бы сказать, что недостатки *Генриады* исчезают, так сказать, вместе с языком, в котором они содержатся. Если когда было можно сказать, что перевод превосходит оригинал, это как раз такой случай”.¹⁵ Зато оценка *Journal des beaux-arts et des sciences* более чем холодна: “Этого перевода ждали долго, и – осмелимся сказать – он ни в малой мере не исполняет ожиданий, которые мог вызывать. Но почему можно было льститься надеждой, будто подобное предприятие могло бы вообще быть успешным? Поставить перед собой цель, чтобы каждый латинский стих соответствовал французскому, который он выражает, значило бы безусловно возложить на себя труд, где невозможно найти искры огня, одушевляющего оригинал [Предисловие, строка 19]. Ставить перед собой цель воспроизвести бесконечное множество деталей, для которых латинский язык неудобен, значит подвергнуться и иным трудностям, непобедимым и для тех, кто счел бы себя наилучшими знатоками хорошего латинского языка”.¹⁶ *Journal des sçavans* дает амбивалентную характеристику: “Главная заслуга этого перевода – то, что он воспроизводит оригинал стих к стиху с изрядной точностью; но эта точность – несколько рабская, и самое внимание к тому, чтоб в латинском стихе было все – и только – то, что есть в оригинале, время от времени придает стихам перевода вид технических стихов”.¹⁷ Рецензия *The Critical Review*

¹⁵ *Journal philosophique & chrétien* 4 (1790) 34, в примечании.

¹⁶ Voltarii Henriados, Editio Nova, latinis versibus & gallicis... // *Journal des beaux-arts et des sciences* 4 (1772) 561–562.

¹⁷ Voltaire. Nouvelle Edition en vers Latins & François... // *Journal des sçavans, avec des extraits Des meilleurs Journaux De France & d’Angleterre...* 58: 9 (1773) 5.

отличается практичным подходом: “Нелегко угадать причину, которая могла побудить г-на де Ко де Каппваля перевести *Генриаду* Вольтера латинскими гекзаметрами. Была ли эта тягостная и почти невыполнимая задача способом сделать комплимент поэту, который известен, в общем, как человек, поддерживающий – хотя и без большого рвения – идею современного латинизма, или же распространить и обеспечить репутацию оригинала, столь давно известного всей Европе, который, безусловно, переживет все свои переводы?”¹⁸ Второе, маннгеймско-франкентальское издание вышло уже посмертно, в 1775 году: *Voltarii Henriados Libri Decem, Latinis Versibus et Gallicis; adposito duplici poemate, quod accurate semper ad versum respondet. Editio nova, probe recognita et castigata. Auctore Calcio Cappavalle, Ex Aula Palatinae Servitio*. Mannheimii, Impensis C. F. Schwan. MDCCLXXV. Сохраняя прежнее посвящение, оно не имеет уже французского титульного листа, хотя в остальном композиция удержана; добавлено предисловие, опущенное в первом издании, и пропавшее оттуда самому переводчику непонятно каким образом стихотворение в честь Вольтера – также на обоих языках. Следующее издание – парижское: оно называется так же, как маннгеймское, и отличается только выходными данными: Parisiis. Apud L. La Porte, Bibliopolam, In via Nucum.¹⁹ По составу оно также тождественно маннгеймскому. Для второй половины XVIII в. это нужно расценить как большой успех.

Мы зададим переводу только один филологический вопрос. Новоевропейский эпос – подражание античному; в основном – римскому, и в первую очередь – Вергилию. Нас интересует стратегия переводчика в тех местах, когда автор очевидным образом не мог не опираться на Вергилия. Это и будет заявленным в заголовке эффектом “двойного зеркала”. В качестве примера используем описание морской бури из I книги – один из самых ярких эпических топосов (отметим, что структурно начало *Генриады* очень сильно ориентируется на Вергилия). Текст приводится по второму, маннгеймскому изданию (французский – р. 16, латинский – р. 17).

---

¹⁸ Voltarii Henriados, Editio Nova, Latinis Versibus et Gallicis... // *The Critical Review: or, Annals of literature*. By A Society of Gentlemen 36 (1773) 310.

¹⁹ К сожалению, мы не располагаем экземпляром этого издания; доступная в сети электронная копия экземпляра Баварской Государственной библиотеки (<http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10102209-7>) содержит очень неразборчивую дату, правда, с окончанием VI и с рукописной пометой 1776 (что отражено и в каталожной карточке). Все французские ресурсы датируют книгу 1777 годом. По-видимому, справедливо: цензурное разрешение имеет дату 3 декабря 1776 г., а регистрация привилегии – 18 января 1777 г.

On lève l'ancre, on part, on fuit loin de la terre:
 On découvrait déjà les bords de l'Angleterre;
 L'astre brillant du jour à l'instant s'obscurcit;
 L'air siffle, le ciel gronde, et l'onde au loin mugit;
 Les vents sont déchaînés sur les vagues émues,
 La foudre étincelante éclate dans les nues,
 Et le feu des éclairs, et l'abîme des flots,
 Montraient partout la mort aux pâles matelots...

Латинский перевод таков (курсив мой – *А. Л.*):

Anchora jacta redit; properant, terrasque relinquunt,
 Jamque oculis steterat cernenda Britannia portu,
 Cum subito *nox atra* diem *caligine condit*.
 Sibilat aethra furens, *polus intonat*, unda remugit;
 Prosiluire omnes, bacchantur et aequore venti:
 Nubibus ignescunt reboantia fulmina ruptis,
 Flammantisque *ruina poli*, pontusque dehiscens
 Terrificant miseros *praesentis* imagine *mortis*.

Переводчик, безусловно, не может игнорировать образец; он этого и не делает, маркируя свой перевод виргилиевскими словосочетаниями, которые, кроме того, не мотивированы напрямую вольтеровским текстом (ср. *Aen.* I, 89–91: *ponto nox incubat atra; / intonare poli et crebris micat ignibus aether / praesentemque uiris intentant omnia mortem*). Но нельзя не обратить внимания и на то, что из трех словосочетаний ни одно не сохраняет прежней, виргилиевской формы; таким образом связь с оригиналом не только подчеркивается, но и – одновременно – несколько вуалируется, использование его элементов нельзя признать чрезмерным и назойливым.

Но Виргилий присутствует в этом переводе и за рамками описания бури в I книге *Энеиды*. На него ориентировано употребление *remugit* в конце стиха (на сей раз уже подсказанное вольтеровским текстом непосредственно); ср. *Aen.* IX, 504: *sequitur clamor caelumque remugit*; XII, 722: *gemitu nemus omne remugit*.

Важно отметить, что есть у Ко де Каппваля точки пересечения и с иными латинскими эпиками. Напр., с Силием Италиком (*Pun.* II, 609–611): *Quae postquam congesta uidet feralis Erinys, / lampada flammiferis tinctam Phlegethontis in undis / quassat et inferna superos caligine condit*. В отличие от виргилиевских словосочетаний, силиевское не подвергается никакой трансформации и занимает в стихе Ко де Каппваля то же место, что и в оригинале. Аналогичный случай и с Валерием Флакком (*Arg.* VIII, 334): *crebra ruina poli caelestia limina laxat*. Отметим, что это единственный случай в латинском эпосе, когда *ruina* стоит не в конце стиха.

Безусловно, возникает вопрос: являются ли эти словосочетания случайными совпадениями или сознательными заимствованиями? Для того чтобы дать убедительный ответ, нужен более представительный статистический материал, нежели тот, которым располагаем мы и который был представлен в данном рассуждении. Тем не менее предварительное умозаключение, что латинист, отваживающийся на перевод столь крупного эпического произведения, должен быть знаком с классической латинской литературой во всем ее объеме, несмотря на стилистическую ориентацию на век Августа, должно быть признано весьма вероятным. Столь же вероятным будет и наш общий вывод: эффект “двойного зеркала” опирается на эпическую традицию в целом, маркируя непосредственный образец, но, с одной стороны, не делая этого навязчиво, а с другой – не ограничиваясь им.

А. И. Любжин

Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ

La version de la *Henriade* en latin, faite par M. Caux de Cappeval (Calcius Cappavallis, ex-Oratorien au service d'électeur Palatin Charles-Théodore), fut la traduction bien tardive d'une épopée moderne. La publication de l'ouvrage a été annoncée déjà en 1752, et la franchise du traducteur dans l'appréciation de son original lui coûta la colère de baron de Melchior Grimm, philosophe et écrivain célèbre de l'époque; mais elle ne s'accomplit qu'en 1772 (*La Henriade de M. de Voltaire. Nouvelle édition, en vers latins et français, dédiée à S. A.S. Electorale Palatine Charles-Théodore, par M. de Caux de Cappeval, au service de la Cour Palatine. Aux Deux-Ponts, à l'Imprimerie Ducale, & se trouve à Paris, Chez Lacombe, Libraire, rue Christine. M. DCC. LXXII. Voltarii Henriados editio nova, Latinis versibus et Gallicis, quam dedicat Serenissimo Potentiss. Princ. Elect. Palatino Carolo-Theodoro, Calcius Cappavallis, ex Aulæ Palatinæ servitio. Biponti, Typis Ducalibus, & Parisiis, Apud Lacombe, Bibliopolam, via Christ. M. DCC. LXXII*). Deux rééditions parurent un peu après en 1775 à Paris et à Mannheim.

Ayant examiné la version des lieux communs de la tradition épique, surtout de ceux imprimés de Virgile, et les ayant comparés à l'original antique on peut bien voir que l'interprète marque par quelques expressions virgiliennes l'affinité du modèle latin et de l'épopée moderne, ce qu'on peut appeler l'effet du double miroir. Mais en même temps Caux de Cappeval, loin d'en abuser, se servit des expressions appartenantes aux autres poètes épiques de Rome impériale, p.e. de Valerius Flaccus et de Silius Italicus, pour mettre en jeu non seulement le modèle immédiat de l'épopée moderne, mais toute la tradition épique de Rome.